

А.В. Уржа, Цзыяо Хуан

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МОДАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В РЕЧИ ГЕРОЕВ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ». ЧАСТЬ I¹

Аннотация

В статье представлены результаты функционально-семантического и количественного анализа лексических и грамматических средств реализации модальных смыслов в речи пяти помещиков – героев поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души». Описаны и сопоставлены репертуары модальных слов и частиц в речи героев, выявлено их функциональное соотношение с формами наклонения глагола, модальными глаголами, предикативами, прилагательными. Выявлено, что набор элементов, представляющихся носителю языка незаметными, играет не менее важную роль в формировании образа каждого из героев, чем его портрет, описание жилища, характеристики, данные повествователем. В ходе анализа установлены специфические частицы, модальные слова и сочетания, лидирующие в речи каждого помещика, показано, что автор, наделяя персонажа тем или иным «словечком», может варьировать значения элемента, чтобы избежать «монотонности» образа. Концентрация дискурсивных слов в речи героев может распределяться равномерно, как у постоянно активного Ноздрева, или нарастать и спадать, как у Собакевича, который живо интересуется только сделкой. Описаны особенности использования форм императива и сослагательного наклонения в прямом и переносном употреблении, модальных глаголов и предикативов, транслирующих значения реальных и нереальных условий, мечтаний и несбывшихся желаний, вынужденных действий и настойчивых просьб, – и «поддерживающих» друг друга в рамках речевых тактик героев. В ходе анализа учтен широкий контекст употребления средств выражения оценки и эмотивности, обращений и междометий.

Ключевые слова

Модальность; частицы; модальные глаголы; наклонение; дискурсивные слова; прагматика; Гоголь; Мертвые души.

¹А.В. Уржа выполнила исследование за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

A.V. Urzha, Ziyao Huang

FUNCTIONAL INTERRELATION OF MODAL MEANING INDICATORS IN THE SPEECH OF CHARACTERS IN N.V. GOGOL'S POEM "DEAD SOULS". PART 1¹

Abstract

The article presents the results of a functional-semantic and quantitative analysis of lexical and grammatical means of expressing modal meanings in the speech of five landowners – characters from Nikolai Gogol's poem "Dead Souls". The repertoires of modal words and particles in the speech of the characters are described and compared, and their functional relationship with verb mood forms, modal verbs, predicates, and adjectives is revealed. It has been proved that the set of elements that are invisible to the native speaker plays no less important role in shaping the image of each of the characters than their portrait, description of their home, characteristics provided by the narrator. During the analysis, specific particles, modal words and combinations that dominate the speech of each landowner were identified, showing that the author, by giving a character a particular 'word,' can vary the meaning of the element to avoid 'monotony' in the image. The concentration of discursive words in the speech of the characters can be distributed evenly, as in the case of the constantly active Nozdrev, or it can increase and decrease, as in the case of Sobakevich, who is only interested in the deal. The features of the use of the imperative and subjunctive moods in direct and figurative usage, modal verbs and predicates that convey the meanings of real and unreal conditions, dreams and unfulfilled desires, forced actions and persistent requests, – and which 'support' each other within the framework of the characters' speech tactics. The analysis takes into account the broad context of the use of words expressing evaluation and emotivity, addresses and interjections.

Key words

Modality; particles; modal verbs; mood; discourse words; pragmatics; Gogol; Dead Souls.

Введение

В контексте исследования прагматики средств выражения модальных смыслов представляется важным изучение взаимодействия разных групп таких средств (частиц, вводно-модальных слов, грамматических форм наклонения, модальных глаголов, предикативов и прилагательных) в коммуникации, в том числе в конкретных текстах, где они выстраиваются в многомерные функциональные комплексы и формируют образы говорящих и их адресатов. Одним из интереснейших источников подобного материала является проза Н.В. Гоголя, и в частности поэма «Мертвые души». Известно, что еще В.В. Виноградов, впервые выделивший модальные слова русского языка в особую функционально-семантическую группу [Виноградов 1947], иллюстрировал их употребление примерами из Гоголя. Давно отмечено, что модальные слова являются важнейшим элементом палитры художественных средств в гоголевской прозе, и новейшие научные труды о модальности продолжают уделять его колоритному материалу немало внимания [Левонтина 2023]. Филолог и переводовед И. Эвен-Зохар относит такие слова к группе "void pragmatic con-

¹A.V. Urzha conducted the study with the support of the Russian Science Foundation (RSF) <https://rscf.ru/en/project/23-18-00260/>

pectives” – важных в прагматическом плане связующих элементов дискурса, которые кажутся носителю языка десемантизированными, но требуют особых усилий при освоении языка иностранного и нередко утрачиваются при переводе из-за невозможности адекватной интерпретации [Even-Zohar 1990]. В отечественном переводоведении проблему интерпретации таких элементов описал еще К.И. Чуковский, а затем, очень детально, Я.И. Рецкер [Рецкер 2007, 166-184]. И. Эвен-Зохар особо отмечает гоголевскую прозу, призывая ученых обратить внимание на индивидуализацию репертуара модальных слов у каждого из персонажей великого автора [Even-Zohar 1990, 226-228].

Стремясь решить эту задачу, мы расширили предмет исследования, чтобы не только выявить репертуар модальных слов (в современной лингвистике они определяются как дискурсивные слова [Путеводитель по дискурсивным словам... 1993, 7], см. работы Д. Пайара, К. Л. Киселевой, Е.Р. Добрушиной, Е.А. Мишиной, О.Е. Пекелис и др.) в речи ключевых персонажей «Мертвых душ», но и охарактеризовать их функциональное соотношение с формами наклонения глагола, модальными глаголами и предикативами [Теория функциональной грамматики 1990]. Соединение количественного и функционально-семантического анализа может добавить новые результаты к существующим характеристикам речевых портретов героев поэмы [Наумова 2009; Коковина 2013], а также привлечь внимание переводчиков к этому аспекту ее поэтики.

Таким образом, целью работы стал количественный и функционально-семантический анализ лексических и грамматических средств реализации модальных смыслов в речи героев поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души», а также характеристика и сопоставление наборов таких средств в высказываниях ключевых персонажей.

Средства выражения модальных значений в художественном тексте как объекты количественного и функционально-семантического анализа

В.В. Виноградов охарактеризовал возникающие в высказывании «модальные отношения» как отношения «субъективно-объективные», «отношения всего высказывания или предложения к реальности» [Виноградов 1947, 725]. Функциональная грамматика выделяет модальные значения возможности, необходимости, желательности, достоверности и повелительности, формирующие свои функционально-семантические поля [Теория функциональной грамматики 1990]. В других концепциях эти смыслы структурируются относительно «ядерных» значений деонтической и эпистемической модальности (и более сложной оптативной модальности), см. работы Е.В. Падучевой, В.А. Плунгяна и мн. др.

Спектр языковых средств выражения модальной семантики традиционно подразделяется на: собственно грамматические (формы наклонений глагола), лексико-грамматические (модальные глаголы, предикативы и прилагательные) и лексические средства (модальные слова, включающие, по В.В. Виноградову, модальные частицы, слова и сочетания). Все больше внимания привлекают синтаксические способы трансляции модальных смыслов – специфические конструкции, имеющие определенные просодические характеристики (см. работы Н.Ю. Шведовой, Т.М. Николаевой, И.М. Богуславского, К.Я. Сигала, Е.А. Стародумовой и др.).

Продуктивный ракурс изучения модальных средств предлагает А.Д. Штелинг, противопоставляющий высказывания о третьем лице (по модели «Я тебе

о нем говорю») высказываниям, вовлекающим только говорящего и адресата (по модели «Я обращаюсь к тебе») [Штелинг 1996, 183]. Если в предложениях первого типа (*Петр идет / пришел бы / может быть, придет*) модальные элементы квалифицируют объективную действительность, то в предложениях второго типа (*Петя, ну подойди же!*) они ярко выражают отношение говорящего к собеседнику и к ситуации речи. Разные средства выражения модальности тяготеют к первому или второму употреблению и взаимодействуют с разными элементами контекста. Соответственно, исследуя комплекс средств выражения модальных смыслов в речи героев «Мертвых душ», мы будем учитывать эти особенности употребления и привлекать в анализе контекст высказываний (использование частотных обращений, междометий, оценочной лексики и др.).

Описывая репертуар модальных средств в речи каждого из ключевых персонажей поэмы, мы будем опираться на результаты количественных подсчетов по тексту произведения, охарактеризуем и сопоставим частотные элементы (с учетом их семантики) – как в рамках репертуара, так и между репертуарами.

Известно, что для сферы изучения дискурсивных слов характерны многочисленные расхождения между научными концепциями. Основным ориентиром в нашем исследовании стали «Словарь русских частиц» под ред. Э.Г. Шимчук и М.Г. Щур [Шимчук, Щур 1999] и «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [БТС 2000], однако при характеристике каждого элемента учитывались данные всех вышеперечисленных источников. В исследовании комбинируются эвристический метод и метод контекстуального анализа, результаты количественных подсчетов осмысляются в функциональном ключе.

Средства выражения модальных смыслов в речи помещиков: общие данные

Дискурсивные слова составляют в речи помещиков, беседующих с Чириковым, от 8,2% (в речи Собакевича) до 13,3% (в речи Коробочки). Это значимая часть их высказываний: для сравнения, в речи помещика Троекурова из романа А.С. Пушкина «Дубровский» около 4% таких слов, у Рашевича, помещика из рассказа А.П. Чехова «В усадьбе» (принимающего у себя гостя, как и герои Гоголя принимают Чичикова) – всего 2,8%. У сатирически изображенного И.С. Тургеневым в «Записках охотника» «гостеприимного» помещика Стегунова 7,8% таких слов.

Изобилие частиц, модальных слов и сочетаний – общая черта речи всех пяти гоголевских помещиков. Создавая «галерею» их «портретов», автор как сатирик утрирует черты героев, в том числе и речевые характеристики, стремится показать характер человека на нескольких страницах поэмы, как «в капле воды». Подвергнув героев «испытанию» встречей с аферистом Чичиковым, Гоголь получает возможность раскрыть их черты полно и ярко, не только в обычной, но и, так сказать, в стрессовой ситуации.

С другой стороны, репертуары средств выражения модальности в речи помещиков заметно различаются. В их отборе отражается отношение каждого помещика к миру, оценка собственного положения в нем, характер взаимодействия с собеседниками, темперамент, образованность и многое другое. Герои по-разному строят свою речь и реагируют на речь окружающих.

Самый высокий процент употребления клауз с предикатом в ирреальном наклонении – у Манилова, далее следуют Ноздрев и Плюшкин, однако соотно-

шение форм сослагательного и повелительного наклонений в разных значениях, в прямых и переносных употреблениях у говорящих сильно различается, так же как использование лексико-грамматических модальных средств. Рассмотрим репертуар каждого из героев подробнее.

Репертуар средств выражения модальной семантики в речи Манилова

Манилов произносит в поэме реплики, включающие в общей сложности 880 слов, из которых 9,4% составляют дискурсивные слова. Во-первых, это 18 частиц в 55 употреблениях (расположим их по убыванию частотности): *уж, вот, а, да, ну, как, даже, еще, именно, только, и, неужели, так, хоть, всё, точно, таки, -с*.

Частица УЖ (11 употреблений) является самой частотной только в речи Манилова. Это заставляет нас обратить внимание на ее специфику. Манилов использует ее в разных значениях, но во фразах с определенными прагматическими установками.

Рассмотрим сочетания УЖ с императивом, например, во время известной сцены «в дверях», когда Манилов и Чичиков настойчиво пропускают друг друга вперед:

- Нет **уж** извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.
- Почему же образованному?.. Пожалуйста, проходите.
- Ну, да **уж** извольте проходить вы.
- Да отчего же?
- Ну, да **уж** оттого! – сказал с приятною улыбкою Манилов.

И.Б. Левонтина так описывает прагматику сочетаний УЖ с императивом: «Говорящий признает, что адресат имеет право не принимать его просьбу во внимание, но все же просит выполнить ее» [Левонтина 2023, 210]. УЖ придает доверительный характер просьбе и указывает на признание говорящим авторитета адресата или на зависимость от адресата [Шимчук, Щур 1999, 131]. Манилов не просто спрашивает Чичикова принять проявление своей вежливости, но и подчеркивает, что другое положение дел для него, гостеприимного хозяина, совершенно невозможно (реализуется отмеченная И.Б. Левонтиной для УЖ идея шкалы). Возникает ощущение гипертрофированной, гротескной вежливости, того, о чем сам Гоголь пишет: «чересчур передано сахару». Последняя фраза в диалоге не представляет никакой аргументированной мотивации, она точно соответствует характеристике: «Во многих случаях УЖ показывает, что говорящий предлагает считать данное объяснение достаточным» [Левонтина 2023, 207]. Эта фраза вполне естественно звучит по-русски, но придает диалогу абсурдный оттенок.

УЖ также работает во фразах с гипертрофированными положительными признаками объектов маниловских похвал, в первую очередь Чичикова: *Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день, именины сердца*. Здесь УЖ «выражает оценку количественной характеристики предмета или степени проявления признака как чрезмерных, превышающих обычные представления говорящего о возможном или допустимом» [Шимчук, Щур 1999, 132]. Манилов подчеркивает гостеприимство жены: *Да, уж она бывало всё спрашивает меня: «Да что же твой приятель не едет?»*, «остроумие» сына Фемистоклю-

са: <...> *если что-нибудь встретит, букашку, козявку, так уж у него вдруг глазенки и забегают*. Преувеличенные похвалы раздаются также «препочтенным и прелюбезнейшим» чиновникам уездного города. Отметим, что Манилов никогда не реализует другой спектр смыслов: значение недоверия (*ну уж*), отрицания ожиданий адресата (*нет уж*), выбора из негативно оцениваемых вариантов (*уж лучше*). Смыслы УЖ строго отобраны автором для создания эффекта позитивной назойливости, чрезмерной угодливости.

Частицы ДА и НУ, как можно заметить по примерам, часто комбинируются с УЖ в речи Манилова, что создает усиливающий эффект. НУ с императивом сообщает высказыванию фамильярную окраску [Шимчук, Щур 1999, 96]. ЕЩЕ и ДАЖЕ комбинируются с компаративом, усиливая оценку: *Вы всё имеете, всё имете, даже еще более*.

Особую роль в ключевом диалоге Манилова с Чичиковым о покупке мертвых душ играет частица КАК. Она выражает здесь недоумение и удивление, «обусловленное тем, что говорящий, оценивавший некоторую ситуацию как невозможную, в момент речи обнаруживает, что это предположение не соответствует действительности» [Шимчук, Щур 1999, 71]: *Как-с? извините... я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово... Как, на мертвые души купчую? Как в цене?*

Разговор о «негоции» совершенно не соответствует сценарию задушевной беседы с приятным собеседником, и повторяющаяся частица подчеркивает изумление и растерянность героя.

В целом модальные частицы в речи Манилова выделяют три его черты: активную, «угодливую» вовлеченность в диалог, преувеличение удивительных черт собеседника и окружающих и неготовность к их поискам.

Вводно-модальные слова и сочетания образуют в высказываниях помещика несколько функциональных групп, отвечая за: привлечение внимания, активизацию общения с опорой на мнение собеседника (*знаете, не правда ли*), метатекстовую деятельность, а именно демонстрацию осторожного подбора слов (*так / можно / лучше / с позволения сказать, в некотором роде, то есть, и даже чтоб еще более, так сказать, выразиться*) и выражение степени уверенности (*может быть, конечно, право, в самом деле, будьте уверены*). Нельзя не отметить, что уверенность Манилов выражает не по поводу реальных событий, а в связи с со своими мечтаниями, где используется сослагательное наклонение: *Как было бы в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе, под одну кровлю. Тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей*.

Именно обилие форм сослагательного наклонения (23 во фразах и в мыслях героя) призвано подчеркнуть мечтательность, прожектерство Манилова. Учета требуют предикативные единицы, транслирующие соответствующую семантику даже при эллиптическом опущении глагола или частицы, конструкции *если бы* +инфинитив, *чтобы* +инфинитив, *чтобы* +формы на -л. «Зыбкость» содержанию высказываний придают, вкупе с формами сослагательного наклонения, неопределенные местоимения и модальные сочетания, формирующие приблизительные, неточные номинации и описания: <...> *другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым в некотором роде можно было поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какою-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое...*

Формы повелительного наклонения Манилов также использует как этикетные, их императивность «стерта». Из 21 формы во множественном числе, обращенной к Чичикову, 11 – это *позвольте* (*Позвольте мне вас попотчевать трубочкою. Позвольте вам этого не позволють*), четырежды используется форма *извините*. Навязчивая вежливость Манилова представлена здесь очень ярко. 6 форм императива в единственном числе, обращенные к жене и к слугам, используются вместе с обращениями, которые транслируют социальные смыслы, нивелирующие «приказной» характер императива: *Разинь, душенька, ротик. Послушай, любезный*.

Из лексико-грамматических модальных средств чаще других используются модальные глаголы со значением желания при субъектах, которыми выступают собеседники Манилова: герой интересуется тем, чего хотят окружающие, спрашивает их об этом (*хочешь быть посланником, хотите ехать, желаете купить, изволили выразиться*). Интересно, что к себе Манилов глаголы с таким значением не применяет, он использует глагол мочь с отрицанием, проявляя скромность в оценке своих способностей (*не могу знать, не могу достичь, не мог получить образования*). Слова со значением деонтической модальности реализуют внешнюю, как бы не инициируемую говорящим необходимость: *Душенька, нужно будет завтра похлопотать чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель. Об этом, я полагаю, нужно спросить приказчика*. Единственную настойчивую просьбу Манилов применяет, когда упрасивает Чичикова сесть в кресло: *ради или не ради, но **должны** сесть*.

Таким образом употребление дискурсивных слов, форм ирреальных наклонений и показателей внутрисинтаксической модальности представляет нам образ преувеличенно вежливого и предупредительного собеседника, прекраснородушного и наивного мечтателя, который испытывает трудности с точными формулировками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
3. Коковина Л.В. Модальные значения уверенности - неуверенности в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводах на английский язык: функционально-семантический анализ: дис. ... к. филол. н.: 10.02.01, 10.02.19. Калининград, 2013. 207 с.
4. Левонтина И.Б. Частицы речи. М.: Азбуковник, 2023. 431 с.
5. Наумова Н.Г. Языковые средства создания образа Чичикова: на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: дис. ... к. филол. н.: 10.02.01. Киров, 2009. 183 с.
6. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / сост. А.Н. Баранов и др. М.: Помовский и партнеры, 1993. 206 с.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. 240 с.
8. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 264 с.
9. Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. 148 с.
10. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка: Фактор человека в языке. М.: «ЧеРо», 1996. 254 с.
11. Even-Zohar I. Void pragmatic connectives // Polysystem Studies. Poetics Today. 1990a. № 11(1). P. 219–245.

REFERENCES

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

1. Even-Zohar I. Void pragmatic connectives. *Polysystem Studies. Poetics Today*, 1990a, no. 11(1), pp. 219—245. (In English).

(Monographs)

2. Levontina I.B. *Chastitsy rechi* [Speech Particles]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2023. 431 p. (In Russian).

3. Baranov A.N. at al. (comp.). *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to Discursive Words in the Russian Language]. Moscow, Pomovsky and partners Publ., 1993. 206 p. (In Russian).

4. Bondarko A.V. (ed.). *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 264 p. (In Russian).

5. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation Theory and Translation Practice. Essays on Linguistic Translation Theory]. Moscow, R. Valent Publ., 2007. 240 p. (In Russian).

6. Shteling D.A. *Grammaticheskaya semantika angliyskogo yazyka: Faktor cheloveka v yazyke* [Grammatical Semantics of the English Language: The Human Factor in Language]. Moscow, CheRo Publ., 1996. 254 p. (In Russian).

7. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian Language. Grammatical theory of Words]. Moscow, Leningrad, Uchpedgis Publ., 1947. 784 p. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

8. Kokovina L.V. *Modal'nyye znacheniya uverennosti – neuverennosti v poeme N.V. Gogolya «Mertvyye dushi» i eye perevodakh na angliyskiy yazyk: funktsional'no-semanticheskii analiz* [Modal Meanings of Certainty and Uncertainty in Nikolai Gogol's Poem “Dead Souls” and its English Translations: A Functional-Semantic Analysis]. PhD Thesis. Kaliningrad, 2013. 207 p. (In Russian).

9. Naumova N.G. *Yazykovyye sredstva sozdaniya obraza Chichikova: na materiale poemy N.V. Gogolya «Mertvyye dushi»* [Linguistic Means of Creating Chichikov's Image: Based on Nikolai Gogol's Poem “Dead Souls”] PhD Thesis. Kirov, 2009. 183 p. (In Russian).

Уржа Анастасия Викторовна,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета.

Научные интересы: язык художественной литературы, русский язык, семантика, прагматика, грамматика в тексте.

E-mail: English2@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9506-977X

Хуан Цзыяо,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Аспирант кафедры русского языка филологического факультета.

Научные интересы: русский язык, морфология, Гоголь, Мертвые души.

E-mail: 2798459114@qq.com

ORCID ID: 0009-0003-3376-4330

Anastasia V. Urzha,

Lomonosov Moscow State University.

Doctor of Philology, Professor of the Russian language department at the Faculty of Philology.

Research interests: language of fiction, Russian language, semantics, pragmatics, grammar in a text.

E-mail: English2@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9506-977X

Ziyao Huang,

Lomonosov Moscow State University.

Postgraduate student of the Russian language department at the Faculty of Philology.

Research interests: Russian language, morphology, Gogol, Dead Souls.

E-mail: 2798459114@qq.com

ORCID ID: 0009-0003-3376-4330